

Страдалец

К.М.Станюкович. Собр.соч.в 10 томах. Том 3. -- М.: Правда, 1977
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 12 марта 2003 года

{1} -- Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

Вскоре после приезда в N., один из больших городов Сибири, в котором мне предстояло пробыть весьма короткое время, я случайно узнал, что в N. живет некто Петровский, старый мой петербургский знакомый, которого я давно потерял из виду, с тех пор, как он со своей молодой женой уехал на частную службу на юг России.

Оказывалось, что этот самый Петровский уж года три как приехал из России и занимает здесь видное место в одном из страховых обществ.

Я, разумеется, обрадовался, что в незнакомом городе нашел знакомых людей, и на другой же день отправился к Петровским.

-- Барина нет дома, -- объявила горничная.

-- Скоро будет?

-- Они с вечера уехали на охоту.

-- А барыня?

-- Барыня дома. Пожалуйста!

В то время, как я проходил через залу, неслышно ступая по узкому протянутому ковру, из соседней комнаты доносился чей-то необыкновенно мягкий, вкрадчивый мужской голос, звучащий грустными нотами. Я отчетливо услышал изящно составленную французскую фразу о необходимости терпеливо нести свой крест, ввиду людской несправедливости, и вслед за тем из-за портьеры показалась высокая, худощавая фигура почтенного старика, с слегка опущенной на грудь седой головой, одетого не без щегольства и вкуса.

Старик бросил на меня быстрый взгляд из-под очков и тихо прошел мимо, натягивая на руку шведскую перчатку.

Я любопытно всматривался в бледное, длинное лицо, окаймленное вьющимися сединами и маленькой бородкой, и что-то знакомое промелькнуло в этих тонких чертах с заостренным, как у хищной птицы, носом, в грустно насмешливой полуулыбке тонких губ, в этом быстром, остром взгляде, совсем неподходящем к печальному выражению физиономии.

Мне показалось, что я когда-то встречал этого господина и совсем при другой обстановке.

Я вошел в гостиную.

Хозяйка сидела на диване у стола задумчивая, по-видимому, чем-то расстроенная, и не заметила моего прихода. Ее добродушное, румяное лицо, значительно расплывшееся с тех пор, как мы не видались, смотрело грустно, и большие ласковые глаза были влажны.

Я назвал ее по имени. Она встрепенулась, тотчас же узнала меня и засыпала вопросами. Скоро уж мы, по сибирскому обычаю, сидели в столовой за большим самоваром. Она оживилась, расспрашивала про Петербург, про веяния, про общих знакомых, рассказывала про свою кочевую жизнь с мужем, жаловалась на отсутствие людей, на грабежи и убийства, словом, повторяла все то, что обыкновенно рассказывают про сибирские города.

По ее словам, они заехали сюда только потому, что муж соблазнился большим жалованьем.

-- Скопим что-нибудь и уедем отсюда! -- заключила Варвара Николаевна.

-- Так вы, значит, недовольны Сибирью? То-то я застал вас совсем расстроенной.

-- Ну, это совсем по другой причине... Я только что выслушала одну печальную исповедь...

-- Уж не того ли старого господина, которого я встретил сейчас в зале?